

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

*Тот, кто не помнит своего прошлого,
обречен на то, чтобы пережить его вновь.*

ДЖОРДЖ САНТАЯНА

Ангар опустел. В длинных коридорах еще отдавались привычные звуки быстрых шагов, а пыльные панорамные окна угрожающе взирали сверху вниз. Рабочие часы уже подходили к концу, и на огромные площади производственных помещений опускалась долгожданная тишина. На закате дня обветшалое здание как будто пробуждалось и говорило сотней перебивающих друг друга голосов, принадлежащих работникам комплекса из прошлых десятилетий. Это были потерянные во времени послания, в которых растворялось хрупкое происходящее. Казалось, в них растворялся и я сам.

«Еще 20 минут — и ухожу», — автоматически зафиксировалось в голове. Мое сознание работало как циферблат — каждый час отмечался громким сигналом. Цифры, алгоритмы и схемы — все это было подобием системы, из которой я не мог выбраться много лет. Иногда я был уверен, что точно знаю, сколько минут или даже секунд трачу на то или иное действие. Но это убеждение ничуть не соответствовало реальности.

Не система, а ее подобие, не привычка ей следовать, а настоящий фарс систематизация давала крепкую иллюзию жизненного порядка и профессионального успеха. Однако красивая выкладка грязных рубашек не сделает их чище. Так же, как и выстраивание проблем в определенном порядке не приблизит к процессу их разрешения.

Моя привычка засиживаться допоздна приносила свои плоды в виде постоянного недосыпа и клубка спутанных мыслей к концу рабочей недели. Я покинул общую зону ангара и вернулся в офис. Привычным ленивым движением выключил моноблок и зажег фонарик, пробежавшись пальцем по экрану смартфона. Впереди меня ждали пятнадцать минут проверки зоны квестового клуба, в котором я не? работал уже пару лет.

Руководитель компании, непредсказуемый, устрашающего вида толстяк Боб однажды решил дать мне

шанс. Правда, повышение было весьма условным: я больше не занимался ведением квестов, но вел клиентов производства, которое отвечало за создание игровых комнат. Я больше не приходил в зону клуба, на территории которого раскинулась длинная квестовая аллея, но должен был подниматься на этаж выше — в офис, где решались вопросы куда более серьезные, чем обработка очередных негативных отзывов от игроков, которые говорили, что «буквально ничего не поняли, потому что сценарий писал сумасшедший». По крайней мере, теперь я точно знал, что клиенты правы, потому что работал с теми, кто придумывал наши развлечения, напрямую.

Но, даже работая в офисе, я продолжал сбивать свой график и покидал наш корпус позже всех. Правило было нерушимым и касалось каждого: проверку электрических щитов проводит тот, кто выходит из блока последним. Квесты были буквально напичканы электроникой. Любая лампа, случайно оставленная включенной на ночь в одной из комнат, могла стать причиной чего-то необратимого. А интуиция и опыт подсказывали мне, что эту самую лампу я действительно мог обнаружить. Активным, но еще очень молодым и суетливым гейм-мастерам я не доверял, так как сам, буквально вчера, еще был на их месте.

Гордое и звучное слово гейм-мастер обозначало новый вид профессиональной деятельности в сфере, которой я посвятил последние шесть лет. Интеллектуальные развлечения для тех, кому опостылела реальность, представляли собой игровые комнаты, которые мы и называли квестами. Эти антуражные игровые пространства не пользовались популярностью разве что у ленивых и стариков. Ровно шестьдесят минут на то, чтобы оказаться в другой реальности и попробовать выбраться оттуда, справляясь с головоломками. Час на то, чтобы забыть о том, где вы находитесь и кем являетесь на самом деле. Именно эта незатейливая суть игры привлекла меня, когда я находился в поисках своей первой работы. Она же и вынудила меня здесь задержаться.

Так называемые гейм-мастера на самом деле были администраторами квестов: они выступали в качестве ведущих (контролировали процесс голосом, используя микрофон и динамики, установленные в пространствах), дистанционно управляли электроникой, следили за порядком в помещениях и поддерживали атмосферу игрового комплекса. Активная и несложная работа притягивала студентов, начинающих специалистов и творческих персон. Проводя игры, мы играли сами: абстрагировались, перевоплощались и забывали о насущных проблемах. А для

меня однажды эта система стала материальным воплощением слова «эскапизм».

Я спустился вниз и остановился у входа в клуб. Большая стилизованная вывеска с говорящим названием нашей организации «ESCAPE» успела покрыться тонким слоем пыли. Один из старинных ангаров заводского помещения действительно был подходящим по антуражу местом для размещения квестов. Однако такое расположение вынуждало работников зоны клуба заниматься влажной уборкой практически каждый день. Я аккуратно завел руку за рекламный транспарант и проверил выключатель. Первый пункт из списка «проверок» можно было исключить. Но впереди меня ждал еще целый этаж.

Массивные декорированные двери в квесты были приоткрыты — каждая из них приглашала присоединиться к путешествию в альтернативный, искусственно созданный мир. Точнее, такие приглашения были актуальны днем, а в данный момент из каждого прохода на меня взирала темнота. И выключенный свет был замечательным обстоятельством, позволяющим мне уйти с работы быстрее, чем я думал. Каждый вечер я останавливался в этих коротких коридорах и смотрел на разрушающиеся стены из красного кирпича. Сколько людей стояло здесь, на моем месте? Кто из них так же регулярно задерживался,

как и я? О чем они думали, оставаясь наедине со зданием, которое издавало вечный гул? Эти закутки порой казались мне значительно атмосфернее игровых комнат. Настоящая история живых людей не могла конкурировать с придуманными сюжетами, а может быть, именно этот удивительный симбиоз одного и другого наделял наш игровой комплекс особенной привлекательностью.

Электрический щит в конце главного коридора был спрятан за черной шторой — кусок плотной ткани скрывал железную коробку, выбивающуюся из общего интерьера. Я подтянулся наверх и повернул маленький ключик. Судя по всему, сегодня ребята действительно ничего не забыли и мое предчувствие оказалось ложным: все нужные рубильники были опущены. Мне оставалось лишь полностью отключить общее питание блока и, наконец, отправляться домой. Но не успел я дотронуться до тумблера, как он резко опустился сам и помещение погрузилось во тьму.

«Выбило пробки», — первая мысль, посетившая меня, казалась рациональной. Но у таких скачков напряжения всегда есть вполне определенные причины — слишком большая нагрузка или перегоревший электронный прибор, например. Но все квесты были обесточены. Было ясно, что завтрашний рабочий

день придется начать со срочного вызова штатного электрика — осенние каникулы уже начались, и отмена игр в высокий сезон точно не порадует Боба.

Встроенный фонарик смартфона в моей руке оставался единственным источником света, и внизу живота предательски заныло. Казалось, так и было задумано, однако свет пропал слишком резко, и теперь мной овладевали странные ощущения. Я не боялся темноты, но дополняющая ее тишина заставляла меня чувствовать себя дискомфортно в пустых коридорах старого здания. Интуитивным движением я наощупь закрыл щиток на ключ и задернул шторку. Освещая себе путь гаджетом, я еще раз оглянулся на массивные двери. Из квестов не доносилось ни звука.

Оставалось надеяться, что электричество пропало только на этом этаже, и я смогу спокойно забрать свои вещи из офиса.

Осторожно ступая по бетонному полу, я достиг выхода. Дверь, ведущая в игровой комплекс, закрывалась на электронный замок, но в связи с последними обстоятельствами, мне оставалось делать все по старинке. Я выудил связку ключей из кармана форменной толстовки и отыскал нужный — как раз тот, которым пользуюсь реже всего. Еще раз проверив дверь, я осмотрел безжизненную кодовую па-

нель. Вот тебе и автоматизированная система безопасности!

Где-то, этажом ниже, было открыто окно, и до меня донеслись раскаты грома. Причина форс-мажора обнаружила себя сама. К сожалению, ни одна современная технология все еще не может противостоять стихии. Правда, в нашей местности эта борьба происходила слишком часто, и победа никогда не была на стороне технического прогресса.

Достигнув офиса, я обнаружил, что в темноту погрузился весь наш блок. Оставалось надеяться, что все необходимые документы были открыты в облачном хранилище моего компьютера, и утром мне не придется восстанавливать потерянную информацию. Отсутствие электроэнергии превратило рабочую зону в глухую темную коробку без признаков жизни: удрученно моргал и щелкал только бесперебойник возле моего монитора. Отключив и его, я, подсвечивая кресло фонариком, снял свой рюкзак со спинки стула и поспешил покинуть помещение. Все двери, так же, как и в игровой части комплекса, пришлось закрыть на ключ. Уже покидая этаж, я вспомнил, что забыл про окно в офисе — ливень наверняка зальет подоконник за ночь, но возвращаться обратно не было желания и сил. Меньше всего на свете я любил оставаться наедине с собой в полной темноте и ти-

шине, когда воображение взбудоражено и усиленно работает на материализацию несуществующих звуков и видений вокруг.

* * *

Дорога домой занимала более часа, но проходила незаметно из-за моей усталости. Скорее по инерции, я продолжал читать рабочие чаты. Они постепенно наполнялись флудом, который поступал в ленту переписки, вперемешку с полезной информацией. Уже покинув комплекс, я старался не вникать в происходящее. В сумерках метрополитен выглядел недружелюбно, а в вагонах постепенно начинал собираться сомнительный контингент. Моя привычка забиваться в угол и темная одежда обычно делали свое дело, и я оставался незамеченным для окружающих. Но сегодня что-то пошло не так с самого начала.

Сонные студенты и офисные клерки, страдающие трудоголизмом, встрепенулись, когда мы достигли очередной станции. Раздвижные двери с грохотом разъехались, и в вагон ввалилась шумная троица. Двое хорошо отдохнувших этим вечером высоких парней громко спорили между собой и совсем не обращали внимания на свою сопровождающую. Она

тем временем что-то говорила без остановки и явно пыталась донести до товарищей нечто важное. Но в грохоте колес и криках молодых людей быструю речь девушки было не разобрать. Я вяло наблюдал за происходящим, пока не заметил, что занимаюсь этим слишком откровенно. Ответная реакция не заставила себя ждать.

Невидимая и неслышимая для своих спутников, девушка медленным и плавным движением (словно в вагоне поезда, несущемся на полной скорости, не нужно было прикладывать усилие, чтобы держать равновесие) развернулась в мою сторону. Я поспешил отвернуться, чувствуя, что сам виноват в том, что открыто пялился, но было уже поздно. Боковым зрением я заметил приближающийся ко мне тонкий силуэт. Лицо незнакомки было скрыто капюшоном объемной кофты, поэтому я не мог оценить ее настроение и предугадать намерения. Тем не менее, она шла медленно и ровно, не держась за поручни. «Хотя бы трезвая... — мысленно подбодрил себя я. — Попросит денег и отойдет».

Но я ошибался.

Хрупкая фигура аккуратно приземлилась на сидение прямо напротив меня. Я продолжал смотреть в другую сторону, но чувствовал ее взгляд. Выдержав несколько мгновений, я подумал, что испытаю еще

больше стресса, если буду вести себя так неестественно, и повернул голову. Ожидаемо, кроме капюшона, наполовину скрывающего лицо девушки, я не увидел ничего.

Продолжая изображать полную непричастность к происходящему, я наклонился и принялся изучать свою обувь. Рассматривая древесную пыль, прилипшую к поверхности моих ботинок еще в павильонах производства, я вскоре почувствовал, как нарушается допустимая граница моего личного пространства. Подняв голову, я увидел, что новая «знакомая» склонилась ближе ко мне. Теперь ее капюшон находился буквально в полуметре от моего лица. Через мгновение моя душа ушла в пятки: девушка откинула плотную ткань назад и теперь смотрела мне прямо в глаза. Передо мной оказался ничем не примечательный образ: русые волосы, глаза водянисто-голубого цвета и ничего особенного, кроме расширенных зрачков, застывших в статичном положении. Однако я не мог оторваться от холодного взгляда, который казался мне стеклянным и неестественным.

Тяжелый зрительный контакт длился не более тридцати секунд, и я был не в силах его разорвать. На какой-то момент я полностью потерял ощущение реальности и почувствовал, как руки становятся ват-

ными. Бремя этого взаимодействия покинуло мои плечи почти так же быстро и внезапно, как и свалилось на них.

Девушка заговорила:

— У него болит шея.

Она проговорила это почти шепотом, но каждое слово впечаталось в сознание так, словно ее голос покинул тело и звучал в моей голове как бы сам по себе. Такой спутнице не нужно было прикладывать усилий, чтобы я услышал фразу с первого раза. Выйдя из ступора, я инстинктивно дотронулся до своего затылка и проверил позвонки на болевые ощущения — нет уж, эта реплика совсем не была похожа на медицинское заключение.

Я не заметил, как водянистые глаза вновь скрылись под плотной тканью капюшона, а вагон достиг следующей станции. Странная компания покинула поезд через противоположные двери, а двое парней все еще продолжали громко ругаться, будто пассажирка не из мира сего и вовсе не составляла им компанию.

Я вышел на следующей. Едва моя нога коснулась платформы, дрожащие пальцы нашли заученный номер телефона в опции быстрого набора. Выбежав из метрополитена через тяжелые стеклянные двери, я прислонил смартфон к уху и поспешил закурить.

* * *

— Попробуйте проговорить последовательность событий еще раз, но на этот раз спокойно.

Ледяные капли заливали экран гаджета, а зонтик я благополучно забыл на работе. Несмотря на то, что в ушах у меня были беспроводные наушники и можно было спокойно заблокировать телефон, я бездумно пялился в экран, рассматривая знакомые цифры. От такого ритуала мой собеседник не становился видимым, да и никакого логического объяснения глупой привычке держать смартфон в руке перед собой просто не существовало. Я заставил себя убрать руки в карманы, чувствуя, как к замерзшим ладоням наконец возвращается чувство осязания.

— Я задержался сегодня. Пока проверял электричество, вырубился свет, — чувствуя, как зябнут конечности, я шмыгнул носом. — Потом добежал до метро.

— А зонтик? — мой собеседник был чрезвычайно догадлив.

— Забыл. Там же близко, я не промок.

— Так...

Я взял секундную паузу, чтобы перебежать дорогу, а затем продолжил:

— В метро сидел как обычно, а потом в вагоне появилась пьяная компания. Среди них — странная девушкам с пугающим взглядом.

— Ты смог рассмотреть ее лицо издали? — мужской голос по ту сторону телефона стал ниже. Кажется, этот отрезок моего повествования интересовал его более всего.

— Нет... — даже мне следующая часть рассказа казалась бредовой. — Она села напротив. Откинула капюшон. Взгляд у нее был немигающий. А потом она сказала, что у него болит шея.

— У кого-то из ее нетрезвых друзей?

— Да нет же!

Я не заметил, как начал раздражаться и говорить на повышенных тонах. Стараясь следовать простой просьбе сохранять спокойствие, я остановился на мгновение, выдохнул и пошел более медленным шагом. Самый терпеливый на свете собеседник молчаливо ждал.

Пришлось сразу перейти к сути:

— В общем, я думаю, что знаю, про кого она говорила, доктор Константин.

— Боузи, — я был готов поспорить, что мой собеседник сдерживает усталый вздох.

Когда мы обращались друг к другу по именам, обычный телефонный разговор мгновенно превра-

щался во внеплановый сеанс психотерапии. Если бы в моей голове был установлен денежный счетчик, он бы щелкнул прямо сейчас. Никаких приборов в сознании, конечно же, установлено не было, но звук я слышал все равно.

— Боузи, вас никто не преследует, — Константин сменил интонацию и принялся говорить медленно, проговаривая слова по слогам. — Вы в безопасности.

Мне было нечего на это ответить, а потому мой психотерапевт взял управление беседой в свои руки:

— Во сколько вы сегодня проснулись?

— Я не... — я осекся на полуслове, но произнесенного было уже не вернуть.

— Вы не спали. Это не очень хорошо.

Он никогда не употреблял слова «плохо» по отношению к моим действиям, потому что обходил мое неконтролируемое чувство вины, которое то и дело всплывало грязным пятном, по поводу и без. Именно по этой причине я работал с этим доктором на протяжении последних трех лет. Константин не просто делал свою работу, я чувствовал, что он действительно старался мне помочь. По крайней мере, очень хотелось верить в то, что внеурочные звонки от меня он принимал именно по этой причине.

То, что произойдет дальше, было предсказуемо. Но стратегически важная часть разговора уже состо-